

Четвертая наложница при этой мысли снова тяжело вздохнула. За своего Чэн-гэра она могла не беспокоиться, у него всё сложится как надо, но вот если бы ее Цяо-гэр тоже мог... Подумав об этом, Четвертая наложница прибавила шагу, возвращаясь в свой двор. В эти дни нужно сшить побольше обуви и носков для старшей госпожи, чтобы при удобном случае заговорить с ней об отправке Цяо-гэра в Императорскую академию Гоцзысюэ.

В древние времена по вечерам развлечений было немного. За исключением тех, кто отправлялся кутить в веселые кварталы, приличные люди ложились спать очень рано. Однако Е Мянью, проживший здесь уже больше полугода, никак не мог привыкнуть к такому распорядку дня.

В небольшом кабинете во Дворе Баофэн Е Мянью склонился над столом, упражняясь в каллиграфии. Несколько старших служанок стояли неподалеку, поправляя фитили у ламп и заваривая чай.

Е Мянью писал новой Кистью семейства Сяо, которую получил только сегодня. Он не собирался уподобляться своему непутевому папаше, который, даже если вещь ему безумно нравилась, не пользовался ей, а лишь каждый день тупо на нее глазел.

Это же кисть, а не безделушка для украшения, глупость какая!

Он прописал добрых два часа, прежде чем под уговорами служанок поднялся, чтобы пойти помыться. С тех пор как Е Мянью переехал во Двор Баофэн, его маниакальная любовь к чистоте стала притчей во языцех: он непременно мылся каждый день, как бы поздно ни было и какой бы холод ни стоял на улице. Теперь на большой кухне даже закрепили отдельного слугу, который каждый день в час Собаки грел воду для ванны Четвертого молодого господина Е.

К тому времени, как его волосы высохли, уже наступил час Свиньи. Постель была вовсю согрета грелками.

Облачившись в чистое спальное платье из белого шелка, Е Мянью скользнул под теплое одеяло. Чистое и свежее тело расслабилось до последней клеточки, даря приятное блаженство.

Баонянь отломил кусочек плитки Фимиама Лунного Линя, бросила его в стоящую рядом трехногую позолоченную курильницу и повернулась, чтобы опустить шелковый полог над кроватью Е Мянью.

— Четвертый молодой господин Е, поскорее ложитесь спать, завтра ведь рано вставать на учебу.

— Сегодня твоя очередь дежурить ночью?

— Да. Если ночью вам понадобится чай, только позовите меня.

— Хорошо. Смотри берегись, в восточной комнате водятся призраки.

Баонянь закатила глаза:

— Я вам не Баохэ. Четвертый молодой господин Е, поберегли бы силы да ложились спать.

Договорив, она спокойно ушла в восточную комнату, унося с собой бронзовый подсвечник.

— Скукотища, — Е Мянью перевернулся на другой бок и скривил губы. — Всё-таки с Баохэ

дежурства проходят куда веселее.

На следующее утро во Дворе Баофэн разыгралась привычная драма с тщетными попытками разбудить соню и его нежеланием встать с постели. Лишь когда экипаж остановился у ворот Императорской академии Гоцзысюэ, Е Мянью нехотя приоткрыл глаза.

Стоило ему войти в Ворота Цзисянь, как он заметил идущего впереди Ли Чжао, на плечи которого был накинут черный соболий плащ. Е Мянью без труда узнал его со спины: благодаря хорошей семейной породе этот парень вымахал выше и крепче остальных, а ходил широким, размашистым шагом, что придавало ему весьма солидный вид.

Приняв низкий старт, Е Мянью с разбегу рванул вперед и с разгона запрыгнул приятелю на спину, отчего неготовый к такому нападению Ли Чжао покачнулся и едва не растянулся на земле.

Соскочив на землю, Е Мянью согнулся пополам от хохота.

— Ну погоди у меня, Е Четвертый!

Опомнившись, Ли Чжао в несколько шагов настиг его, обхватил рукой за шею и пригнул к земле. В силе тягаться с ним было бесполезно, поэтому зажатый в тиски Е Мянью мог лишь закидывать голову назад, со смехом прося о пощаде и выпуская изо рта облачка белого пара.

Ли Чжао еще несколько раз шутливо ткнул его кулаком в бок и только тогда отпустил.

Вдоволь надурочившись, приятели дружно направились во Двор Цижуй. По дороге Ли Чжао спросил:

— Слышал, что вчера стряслось во Дворе Цинань?

— А что со Двором Цинань?

— Как что? Они и впрямь захватили Двор Куньжуй, принадлежавший старшим ученикам!

— Что? — изумленно приоткрыл рот Е Мянью. — От кого ты это услышал? Не может этого быть.

— Мой третий брат вчера вечером рассказал, это чистая правда, — Ли Чжао стукнул кулаком о кулак и процедил сквозь зубы: — Чертовы ублюдки! Жить надоело!

Третий брат Ли Чжао был учеником ступени Кунь в Императорской академии Гоцзысюэ, так что его слова точно не были пустой сплетней.

Е Мянью ухмыльнулся. Что ж, намечалось кое-что интересное.

В династии Великая Вэнь было две Императорских академии Гоцзысюэ. Первая, разумеется, находилась в Столице, где учился Е Мянью, а вторая — в Цзиньлине.

Академия в Цзиньлине была построена на тридцать с лишним лет позже столичной, да и учеников там числилось поменьше. Создавали её исключительно для отпрысков чиновников, отправленных на службу в южные провинции, детей простолюдинов туда не принимали.

Северяне кичились своим происхождением и считали себя более благородными, в то время как южане были куда богаче. Стороны упорно отказывались уступать друг другу.

Однако, если дело доходило до сочинений и искусности слога, ученые мужи из Цзяннани действительно превосходили северных коллег. В особенности обострило ситуацию то, что на двух последних государственных экзаменах звание первого лауреата «чжуаньюань» доставалось выходцам из Цзиньлиня. Противостояние достигло точки кипения.

Подобное положение дел в академии, естественно, отражалось и на императорском дворе. Поскольку на севере и юге преобладали разные научные школы, выпускники, попадая на государственную службу, закономерно спланивались вокруг своих наставников и старших собратьев по учебе.

Члены этих двух фракций без конца строили друг другу козни исподтишка и вставляли палки в колеса. Император жутко устал от этих дразг: он и устраивал им прилюдные нагоняи на утренних аудиенциях, и пытался успокоить их с глазу на глаз, но всё без толку.

В конце концов кто-то подсказал Императору, что корень проблемы кроется в самом начале пути и решать ее нужно постепенно. Тогда государь обратил взор на Императорскую академию Гоцзысюэ, решив устроить между севером и югом так называемый «академический обмен».

В прошлом году под давлением императорского указа столичная и цзиньлиньская академии отправили по двадцать учеников в противоположные стороны для «обучения в странствиях». Официальной целью провозгласили взаимное обогащение знаниями и обмен опытом, а неофициально это была пробная пилотная группа перед масштабным слиянием учебных заведений...

Вот почему прошлой осенью, когда Е Мян только поступил в академию, там открылся новый Двор Цинань, где и разместились эти двадцать юных господ из Цзиньлиня.

Но климат и бытовые привычки на севере и юге разительно отличались. Двадцать мальчишек двенадцати-тринадцати лет впервые покинули родительские дома; непривычный уклад жизни и нервное напряжение привели к тому, что они начали один за другим болеть. Каждый из них изрядно исхудал по сравнению с тем, какими они уезжали из Цзиньлиня. Встревоженные родители на юге, пристально следившие за судьбой своих чад, принялись строчить доклады и слать жалобы Императору. Перепуганный великий цзицзю Императорской академии Гоцзысюэ был готов сдуть пылинки с этого Двора Цинань.

Разумеется, столичных учеников это сильно возмутило. Все они учились на равных, так с какой стати у воспитанников Двора Цинань слуг больше, чем у них? Почему им позволено держать собственных поваров? И почему зимой им разрешили не посещать занятия по верховой езде и стрельбе из лука?

Вместо того чтобы подружиться, как надеялся Император, ученики ступени Ци в тот год лишь затаили друг на друга глубокую обиду. Вот почему при одном только упоминании о Дворе Цинань у Ли Чжао до сих пор зубы скрипели.

Е Мян и Ли Чжао вошли в классную комнату во Дворе Цижуй, где всюду шло обсуждение наглой выходки южан.

— Эти выскочки из Двора Цинань совсем страх потеряли! Подумать только, посягнули на двор старших учеников ступени Кунь!

— Великий цзицзю во всем им потакает, неудивительно, что они ничего не боятся.

— Двор Куньжуй — мой любимый. Весной там любуешься цветением хайтана, летом —

лотосами, осенью катаешься по Озеру Вэйху, а зимой любишь снег, — сокрушенно вздохнул кто-то.

— А мне больше всего нравится Озеро Вэйху, что прилегает к Двору Куньжуй. Мой двоюродный брат раньше там учился. Он рассказывал, что во всей академии нет места лучше для занятий: классные комнаты стоят у самой воды, весной и осенью откроешь окно, выпускаешь озерный ветерок с ароматом цветов — и даже уроки Старика Сюэ не кажутся такими нудными.

— Хлоп! — Вэнь Сюнь с силой хлопнул по столу. — Через три года Двор Куньжуй должен был достаться нам! Неужели эти южане ни во что не ставят наш Двор Цижуй?!

В Императорской академии Гоцзысюэ каждый год при переходе на следующий уровень обучения ученики меняли и свое пристанище. К примеру, когда они из Двора Цижуй перейдут со ступени Ци на ступень Сю, то переедут во Двор Сюжуй. А на четвертый год, дойдя до ступени Кунь, они должны были по праву занять Двор Куньжуй — самый живописный и уютный уголок академии.

— Если они даже старших собратьев ни во что не ставят, с чего бы им считаться с нашим Двором Цижуй? — проговорил Жуань Юньшэн и посмотрел на дверь. — О, братец Мян и братец Чжао пришли.

Вошедшие кивнули Жуань Юньшэну.

— Еще издали было слышно, как вы тут шумите.

— Да это всё Вэнь Сюнь. Скоро парту в щепки разнесет, уйми его.

Е Мян потянулся и легонько сжал пухлый загривок Вэнь Сюня. Тот от холода втянул голову в плечи, но уворачиваться не стал.

— Аньюань еще не пришел? — спросил Е Мян, оглядываясь.

— Пришел, — раздался надменный голос Вэй Аньюаня из-за плотной зимней занавески на входе.

Все обернулись к двери. Полог приподнялся, и в класс вошел юноша в роскошной шубе из белого соболя и пушистых наушниках из белого лисьего меха. Кончик его носа покраснел от мороза, выгодно подчеркивая изящные черты лица. Слуга поспешил помочь ему снять верхнюю одежду, но сколько ни возился, никак не мог развязать завязки на капюшоне.

Красивые брови юноши сошлись на переносице, и он с раздражением оттолкнул слугу.

— Бестолочь! Е Четвертый, иди сюда.

Е Мян лишился дара речи.

— ...Я тебе что, нанятый батрак?

Окружающие покатались со смеху, принимаясь хлопать по столам и подначивать их.

Е Мян пришлось изрядно повозиться, чтобы распутать узел на завязках плаща Вэй Аньюаня, который неведомым образом затянулся намертво. Остальные же потеряли к ним интерес и вернулись к прежнему спору.

<http://bllate.org/book/18289/1753814>